

А. И. Гришин*

Культура языка уголовно-процессуального закона

Язык закона, как известно, занимает важное место в обеспечении единообразного толкования взаимосвязанных правовых норм, категорий и правовых институтов. Как справедливо отмечал Д. А. Керимов, неточность «формулировок, неопределенность использованных терминов... позволяют извращать смысл закона и неправильно его применять»¹. Известный отечественный правовед Ю. А. Тихомиров подчеркивал, что неточность «словесного воплощения нормы, расплывчатость и отсутствие единообразных понятий и терминов может привести к неправильному пониманию и применению закона, к возможности отхода от его буквального смысла, а это может оказать прямое влияние на судьбы людей... интересы государства и общества в целом»².

Язык закона выступает показателем правовой культуры в обществе. Правовое государство не может не иметь высокого уровня культуры языка закона.

* Профессор кафедры уголовно-процессуальных дисциплин Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

¹ Керимов Д. А. Законодательная техника. М., 2000. С. 55.

² Тихомиров Ю. А. Как готовить законы. М., 1992. С. 32–33.

«Обязательным требованием к языку закона, — пишет Д. В. Чухвичев, — является его культура. Закон, являющийся общеобязательным образцом, эталоном поведения, должен служить примером культуры языка и речи»¹.

В то же время анализ ряда норм Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) свидетельствует о том, что текст его действующей редакции далек от совершенства. Очевидна несогласованность содержания отдельных правовых норм УПК, вызывающая разночтения в толковании как отдельных понятий уголовно-процессуального права, так и целых институтов рассматриваемой отрасли права. Причем эта несогласованность была характерна еще для УПК РСФСР, а действующий УПК РФ перенял большинство из подобных «погрешностей» своего предшественника.

Первостепенного внимания в связи с этим заслуживают правовые нормы, определяющие содержание доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве. От совершенства института доказательств, уровня его нормативной регламентации напрямую зависят постановление законного, обоснованного и справедливого приговора по уголовному делу, судьба не только осужденного, но и потерпевшего, а также иных заинтересованных в исходе дела лиц.

В соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются «любые сведения, на основе которых суд прокурор, следователь, дознаватель, в порядке, определенном... Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Очевидно, что в тексте приведенной нормы определяется сущность доказательств, и буквальное толкование этой нормы позволяет относить к доказательствам непроверенные и даже ложные сведения. Важно только, чтобы соответствующие «сведения» были получены «в порядке, определенном» законом, т. е. в результате проведенных субъектами доказывания следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных гл. 24–25 УПК РФ. Однако подобная интерпретация сущности доказательств противоречит здравому смыслу. Более того, из содержания ст. 88 УПК РФ следует, что каждое доказательство подлежит оценке субъектом доказывания «с точки зрения относимости, допустимости, достоверности» и «достаточности для разрешения уголовного дела». В теории уголовного процесса относимость, допустимость, достоверность и достаточность доказательств принято называть «свойствами доказательств». Очевидно, что если «доказательство» не обладает свойствами относимости, допустимости и достоверности, то оно не может быть доказательством.

Толкование ст. 85 УПК РФ, определяющей этапы процесса доказывания, приводит к выводу о том, что сведения, устанавливающие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела (процессуальная информация), приобретают качество доказательства только на завершающем этапе процесса доказывания — на этапе оценки доказательств. Именно на этом этапе субъект доказывания на основе своего внутреннего убеждения принимает решение об использовании конкретных сведений (процессуальной информации) в качестве доказательства по уголовному делу. В соответствии с процессуальной формой подобное решение формулируется в процессуальных документах (обвинительном заключении, обвинительном акте или приговоре суда).

¹ Чухвичев Д. В. Логика, стиль и язык закона // Право и политика. 2005. № 2. С. 28–33.

Таким образом, ч. 1 ст. 74 УПК РФ должно говориться не о доказательствах, а о процессуальной информации (сведениях), которая может быть признана доказательством по уголовному делу. Точность формулировки рассматриваемой правовой нормы предполагает включение в ее содержание основных свойств доказательств и решения субъекта доказывания о признании полученных сведений доказательством.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 74 и ч. 1 ст. 86 УПК РФ к субъектам доказывания относятся только должностные лица государственных органов, осуществляющие производство по уголовному делу, а именно: суд, прокурор, следователь и дознаватель. Только эти лица наделяются полномочиями по собиранию, проверке и оценке доказательств и только они могут принять решение о признании конкретных сведений доказательством по уголовному делу. Все иные участники уголовного судопроизводства могут быть участниками доказывания и наделяются для этого соответствующими правами, установленными в гл. 6 и 7 УПК РФ. При этом представители сторон (потерпевший, гражданский истец, частный обвинитель, подозреваемый, обвиняемый, защитник, гражданский ответчик и др.) наделяются правом представлять доказательства.

Возникает естественный вопрос: каким образом у перечисленных лиц могут оказаться доказательства, если они не являются субъектами доказывания и не наделены процессуальными полномочиями по собиранию доказательств, не могут придать процессуальную форму имеющимся у них сведениям об обстоятельствах совершенного преступления? Более того, если в ч. 1 ст. 86 УПК РФ перечисляются субъекты доказывания и называются процессуальные средства доказывания (производство следственных и иных процессуальных действий), то уже в ч. 3 названной статьи называется право защитника «собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик и иных документов» в соответствующих учреждениях и организациях. Названные способы «собираания доказательств» не имеют процессуальной формы (не регламентированы УПК РФ), а полученные таким образом сведения могут стать доказательствами исключительно после их процессуального оформления субъектом доказывания.

В связи с этим возникает и второй вопрос: в чем состоит принципиальное отличие в содержании ч. 2 и ч. 3 ст. 86 УПК РФ относительно получения подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, их представителями и защитником сведений об обстоятельствах уголовного дела (исключая право защитника опрашивать лиц с их согласия)? Процессуальный анализ названных правовых норм приведет к однозначному ответу — ни в чем. И рассмотрение реализации защитником прав, предусмотренных ч. 3 ст. 86 УПК РФ, как способа получения доказательств процессуально несостоятельно. К тому же права защитника по участию в процессе доказывания с использованием непроцессуальных возможностей достаточно полно излагаются в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Ю. В. Корневский, предполагая непроцессуальные формы участия сторон в доказывании, справедливо отмечал, что «в интересах установления истины, обеспечения прав участников процесса необходимо расширить их реальные возможности по отысканию, обнаружению сведений, имеющих значение для дела, и представлению их следствию и суду»¹.

¹ Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В. А. Власихина. М., 2000. С. 33.

Заслуживает внимания позиция В. А. Лазаревой, которая классифицирует субъекты доказывания на две группы: субъекты доказывания, деятельность которых направлена на защиту публичного интереса (дознатель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, государственный обвинитель), и субъекты доказывания, включающие в себя лиц, имеющих в уголовном процессе непосредственный, личный или представляемый интерес (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик, защитник, представитель потерпевшего, а также представители гражданского истца и гражданского ответчика). Наряду с этим она выделяет группу участников доказывания со стороны обвинения и группу участников доказывания со стороны защиты¹.

Предложенная классификация субъектов доказывания представляет интерес с точки зрения перспективной модели уголовно-процессуального закона и оптимизации основных категорий уголовно-процессуального права. Однако при этом не в полной мере учитываются требования ч. 1 ст. 74 и ст. 86 действующего УПК РФ относительно роли в доказывании должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование по делу, и роли иных лиц, имеющих интерес в деле.

Конкретизация в нормах УПК РФ рассмотренных юридических категорий способствовала бы их единообразному пониманию и повысила культуру языка уголовно-процессуального закона.

¹ Подробнее см.: *Лазарева В. А.* Доказывание в уголовном процессе. М., 2009. С. 75–113.